

Николай Петрович Вагнер

Царевна Нанджана

Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)

Николай Петрович Вагнер

Царевна Нанджана

(Сказки Кота-Мурлыки)

«За далекими синими морями-океанами, за высокими снежными горами-великанами, там, где небо в землю упирается и солнце за край земли на ночь прячется, жила-была прекрасная царевна Нанджана...»

Содержание

Николай Петрович Вагнер Царевна Нанджана (Восточная сказка)0004
I0005
II0008
III0013
IV0018
V0022
VI0027
VII0031
VIII0035
IX0039
X0044
XI0049
XII0056
XIII0062
XIV0066
XV0071
XVI0078
XVII0082
XVIII0085

**Николай Петрович Вагнер
Царевна Нанджана
(Восточная сказка)**

За далекими синими морями-океанами, за высокими снежными горами-великанами, там, где небо в землю упирается и солнце за край земли на ночь прячется, жила-была прекрасная царевна Нанджана.

Одна-одиошенька царила она над громадным царством Бирмиджанским, одна осталась она сиротой от отца и матери, одна сидела на древнем престоле из червонного золота, дорогими разноцветными камнями украшенного, алмазами, бриллиантами усыпанного.

И сияла она ярче солнца красного, и слава о красе ее шла во все земли ближние и дальние, за моря-океаны синие, за горы-великаны высокие, по всему свету Божьему, по самый край всей земли. И заслышав об этой красоте невиданной, ехали, спешили витязи, царики, молодые, прекрасные, сватали, просили руки царевны-красавицы. Но ни один царевич не пленил собой светлых очей царевны Нанджаны, ни один не тронул своей красотой и любовью сердце холодной красавицы.

– Скучно, холодно! – твердила она своей мамке-кормилице, и сидела она грустная, задумчивая на престоле червонного золота, а кругом ее толпились слуги, правители. Слушала она, что говорили ей эти правители, князья, раджи и визири, слушала чутким сердцем и светлым умом, давала она мудрые решения, и лились с ее престола благодать и милость во все земли, ближние и дальние, во все края необозримого царства Бирмиджанского.

– Чего ж тебе надо?! Чего недостает, моя красавица? – допрашивала ее мамка-кормилица. – Кругом тебя богатства и груды золота. Поют тебе прислужницы песни сладкие. Цветут в твоих садах цветы нарядные; зреют на деревьях высоких плоды наливные, золотые, сахарные. Журчат, шепчут фонтаны шумливые, тешат глаза, поют, хвалят твою красоту, доброту сердечную... Чего ж недостает тебе, мое золото?!

Но об этом-то и думала, гадала день и ночь царевна Нанджана и не могла придумать, решить, разгадать... И всюду: в тени роц и садов зеленых, среди полян и лугов, цветами

усеянных, среди песен и звуков сладостных, в водах, на земле и в небесах сияющих, – чудилась ей могучая, глубокая, неразрешимая тайна.

Напрасно пыталась она великих мудрецов и премудрых дервишей. Напрасно всходила на пагоды, башни высокие, спускалась в подземные храмы глубокие. Безмолвны были храмы и пагоды, безмолвно сидели, сложив руки, бронзовые идола, истуканы немые, уродливые... Тайна висела в вечернем сумраке, сияла в небе дневном, слышалась в безмолвии ночном, в лепете моря широкого сказывалась.

А все правители, раджи, князья, визири, нязири говорили, шептали промеж себя:

– Жениха надо царевне молодой – наследника престолу великому...

Среди всех царевичей, королевичей, витязей славных, удалых был один красавец жених, царевич Джурманский Нассан. Упорно он сватал царевну уже третий год. Живал в славной столице Синджур Бирмиджанского царства по целым неделям и месяцам, чуть не годам. Все думал, мечтал, чем ему преклонить и пленить сердце чудной, холодной красавицы девы, царицы Бирмиджанской земли. Был он строен, высок, был он храбр и удал. На белом коне впереди дружин шел на врагов, бил, рубил, побеждал. Бился один на один с силачами-великанами, колдунами и злыми дивами. Всех побеждал, покорял красавец Нассан. И не мог покорить только капризное сердце девы, красавицы Нанджаны.

– Чем тебя пленить, ненаглядная? – пытал он ее. – Скажи, прикажи! Идти ли на дно океана, в недра земли – в огонь и в воду пойду за тебя. Промолви лишь слово надежды, звезда моя ясная. Изныло, высохло сердце, истомилась душа... Плачет, рыдает в неволе злой, изнывает, сокрушается, просит тебя.

– Я подумаю, – промолвила царевна и пошла в опочивальню, разделась, легла и кликнула мамку свою.

Пришла, прибежала мамка-кормилица.

– Что велишь, царица-красавица?

– Расскажи мне сказку. Тяжко ноет сердце мое. Нигде нет покоя, отрады ему. Может быть, сказка займет, успокоит меня и забудусь я тихим младенческим сном под тихий шум речи твоей.

– Изволь, моя радость, изволь, мое дитятко милое.

И села мамка на табуретик низенький атласный и начала свою речь в душной ночи, под тихий лепет фонтана, под тихие трели переливов арфы, что играла сама невидимкой.

В давнее время, когда не было на свете ни Шивы, ни Вишну, ни Браммы, жил на земле прекрасный царевич Азраил, и был он раз на охоте и погнался за зайчиком малым, но зайчик был не простой, с золотой шкуркой, с атласными ушками. Бойко бежал зайчик, и гнал коня за ним Азраил; долго гнался, заморил коня. А конь был белый, как снег Альвагиры, быстроногий, летучий; вдруг захрапел

он, пал и умер. Оглянулся Азраил... Нет кругом никого, ни свиты, ни охотников. Один он в дикой, глухой пустыне, и зайчик исчез, зайчик непростой, с золотой шкуркой, с атласными ушками. Посмотрел прямо Азраил и видит: движутся, идут три страшных чудища, три злых дива прямо к нему, идут, промеж себя спорят, рассуждают. И говорит один див: «Вон смертный человек; спросим у него, и что он скажет, так и быть тому нерушимо». Подходят дивы; тьма идет перед ними. Пламя летит от их дыхания.

– Скажи, царевич, – говорит один див, – реши спор наш. Мы три брата: див Байраджум, див Арабан-Тайджи и див Ларма-Такум. Достались нам по наследству три чудных вещи: ковер-самолет, шапка-невидимка и ска-терть-самобранка. Скажи, кому из нас вла-деть этими вещами...

– А есть разве, няня, такие вещи на свете? – спрашивает Нанджана.

И скатилось с ее тела атласное одеяло. Душно, жарко ей в ночном ароматном возду-хе пахучей южной ночи.

– Есть, красавица моя, – говорит няня, – я

слыхала сама, что есть, но кто же знает, где они лежат!

– Мне кажется, няня, что если б у меня был ковер-самолет, я облетела бы весь мир... и нашла бы то, что мне надо.

– Может быть, ясная звездочка, – говорит мамка, зевая, и продолжает сказку: – Азраил смотрит на див и говорит им: стреляйте все трое из лука, и кто дальше стрельнет, тот пусть и владеет и ковром-самолетом, и шапкой-невидимкой, и скатертью-самобранкой...

– Няня, поди спать, – говорит Нанджана, – я и так усну, может быть. Ступай!

И ушла няня, но не спится царевне Нанджане. Бродят в ночном сумраке тени, бродят, волнуют ее думы и мысли, и что-то тихо, тайно творится в тихом безмолвии душной полуденной ночи.

«Я достану, непременно достану ковер-самолет, – мечтает царевна, – я улечу с душного юга на далекий север. Там, в хладных льдах его, может быть, услышу я тайное слово, что мучит и сердце, и бедную душу мою. Я полечу на бледный запад, туда, где солнце, напоив землю своим жаром и растеряв все лучи, идет

отдыхать до нового утра. Я полечу на восток и увижу, как после ночного сна встает ясное солнце и будит заснувшую землю. Я полечу на самый жаркий юг, на средний пояс земли; может быть, там, под светлыми лучами зодиака, откроется мне разгадка всего, чем живет и дышит целый громадный мир».

И всю ночь не может сомкнуть глаз Нанджана. Бродят, ползут в ночном сумраке трепетные тени ночи и рассеиваются, уходят, как предрассветный сумрак. Зажглась уже яркая заря на востоке. Идет, спешит солнце, бегут, летят прочь ночные тени. И выкатилось, заблестало солнце яркими лучами. Встает Нанджана. Накинула легкий кисейный халат, просунула ножки в крохотные серебряные туфельки, все бриллиантами усыпанные. Встала, умылась в фонтане и вышла в роскошный сад, а в саду птицы поют, заливаются... И ходит в нем сумрачный, задумчивый царевич Нассан... Всю ночь бродит и думает горькую думу, чем ему пленить, победить сердце девы души, холодной красавицы, царицы Бирмиджанской земли.

Сошла Нанджана с высокого мраморного крыльца. Все крыльцо золотыми решетками убрано, разукрашено.

Сошла она в широкую аллею из сикоморовых деревьев, всю вьющимися растениями затканную, занавешенную. Повернула в боковую аллею и ахнула.

Прямо перед ней стоял, опустив голову, царевич Нассан.

– Нанджана, Нанджана! – сказал он. – Душа души моей, звезда моего сердца... Скажи мне, вымолви, чем купить любовь твою желанную!

И упал он на колени перед ней. Он взял ее за протянутую маленькую ручку. Но выдернула из его рук свою ручку царевна.

– Нет! – вскричала она. – Не полюбит мое сердце никого прежде, чем оно не найдет свой покой в знании тайны великой, которой полна вся земля, и воздух, и воды. Слушай, царевич Нассан! Есть на свете ковер-самолет. Достань мне его, и, может быть, я успокоюсь и сумею полюбить тебя... Иди! Моя воля твер-

да. Мое сердце способно страстно желать и глубоко любить.

И пошел царевич Нассан. Велел оседлать он своего белого боевого коня и задумчивый, грустный выехал шагом из дворца царевны Нанджаны. Несколько раз он оборачивался назад, туда, где осталась царица души и сердца его, пока не скрылись в сизом тумане стрельчатые башни дворца, высокие пагоды и золотые узорчатые купола.

Поехал он далеко, в темные леса Бармангамы. Там, в глухом ущелье, жил премудрый старик, дервиш Айракум. День и ночь стоял он на камне, погруженный в созерцание Браммы, Вишну и Шивы. Поклонился ему до земли царевич Нассан.

– Скажи мне, премудрый, – спросил он, – где мне искать того, за чем послала меня звезда Востока, царица сердца, прекрасная Нанджана?

Не вдруг ответил ему Айракум.

Три раза приходил к нему Нассан. Три раза кланялся ему в землю. И наконец очнулся, тронулся Айракум, и глухо, отрывисто проговорил он Нассану:

– Сердце человека ищет великого, но нет великого на брэнной земле. Иди в роци Ганга, там, близ гор Галаджайских, на скалах неприступных, живет злой див Байраджум. У него найдется ковер-самолет. Возьми двух козлят; подойдешь к воротам замка – увидишь двух страшных тигров. Брось одному козленка и другому козленка. И они пропустят тебя в замок к диву Байраджуму. Но, прежде чем войти в замок, пропитай свою одежду кровью змеи Кобры, чтобы див не слышал от тебя запаха человеческой крови. Затем приготовь кушанье из лягушек Кани, и ящериц Тарти, и змеи Магра-Кабалли, посыпь их густо порошком из травы Тириаки и поднеси это кушанье диву. Наестся, уснет див, и тогда ты возьмешь его меч трехгранный и возьмешь ковер из-под его изголовья и беги, скачи на твоём коне быстроногом. Я сказал! Ступай!

И сделал все Нассан, как сказал ему Айракум.

Он купил двух козлят, связал и перевесил их поперек седла. Он проехал в роци Ганга, близ гор Галаджайских. И там, на неприступ-

ных скалах, увидел чудный замок, дворец злого дива Байраджума. Два страшных тигра сторожили ворота замка. Он бросил одному козленка и другому козленка и въехал в высокие ворота замка. Он привязал коня у крыльца и вошел во дворец.

Он прошел сорок залов, все из камней самоцветных, и отворил двери в сорок первый зал. Там на широком диване лежал страшный, безобразный див Байраджум, Его огромные глаза блестели, как угли, нос сгибался крючком, а из громадного рта выходили дым и пламя.

Нассан подал ему блюдо, и див облизнулся, схватил его и начал быстро есть руками, на которых были громадные когти. Съев блюдо, он закрыл глаза, опустил на подушки и захрапел, а Нассан, даром время не теряя, схватил его трехгранный меч, что висел у него в изголовье, выдернул из-под подушек ковер-самолет и пошел торопливо через все 40 залов.

Он сел на коня и быстро поскакал по дороге. Но дорога вилась по скалам неприступным. Только к вечеру успел он спуститься в

долины и поскакал, полетел на коне быстро-
ногом. Но за ним гналась по пятам уже пого-
ня.

IV

И видит Нассан: пылит и дымит по дороге, скачет, летит за ним злой див Байраджум, скачет на огромном пауке Карбунаке, у которого каждая нога была в три версты с третью.

Скачет, летит конь быстроногий, за каждым скоком версту за собой оставляет, но огромный паук Карбунак с каждым шагом три версты с третью махает.

И вот-вот настигает злой Байраджум белого коня царевича Нассана. Уж он разинул пасть проглотить и коня и Нассана, он протянул свою длинную лапу. Но отмахнулся трехгранным мечом царевич Нассан и отрубил правую руку у дива.

Закричал див так, что весь лес задрожал. Полила из руки его кровь в три реки. И кричит он и скачет, несется за царевичем Нассаном и вот опять близко, близко настигает уже Нассана. Уж он разинул громадную пасть, чтобы проглотить и коня и Нассана, уж он протянул, растопырил левую руку с когтями, но отмахнулся трехгранным мечом царевич Нассан, и отрубил он диву левую руку.

Полила кровь из обеих отрубленных рук, льет ручьями, течет реками, все долины собой наполняет. Посинел, почернел див, кричит, ревет, стонет и летит, несется на пауке Карбунаке. Ближе, уж ближе, вот-вот настигает коня и Нассана. Раскрыл он громадную пасть. Огнем-полымем пышет, жжет-пожигает коня и Нассана, но отмахнулся Нассан трехгранным мечом, и отрубил он голову злому диву Байраджуму.

И вдруг лопнуло, разлетелось тело дива. Черным облаком покрыло оно лес, и пронеслась страшная туча над лесом. Разразилась громом и молниями и унеслась, улетела, и снова засияло солнце. А Нассан спешит, летит. Мысли его скачут впереди. Не может за ними угнаться белый конь сереброгривый. И вот уж близко, близко царство Бирмиджана.

Спешит, летит Нассан, скачет, храпит конь сереброгривый. Все смотрят, дивуются, откуда несется такой храбрый витязь. Скачет, летит Нассан, в правой руке держит меч трехгранный, а на луке перекинут ковер-самолет.

Прискакал к воротам дворца, въехал на двор. Бросил коня, бежит во дворец, бежит по

залам дворца, прямо к царевне Нанджане и прибежал, как был, в пыли, в крови, в дыму, в копоту, упал на колени перед царевной, развернул перед ней ковер-самолет. Весь заткан он яркими пестрыми цветами, драконами, дивами, зверями морскими, птицами заморскими, звездами небесными.

Собрались, сбежались со всего дворца все прислужницы, приспешницы, все придворные и слуги царевны. Все ахают на ковер, дивуются, на цветы любят. Такого ковра видом не видано и слыхом не слыхано.

А царевна Нанджана всем отдала строгий приказ-наказ: отправляться завтра чем свет всем в путь вместе с ней на ковре-самолете. И все пошли, удалились. Остались одни царевич Нассан и царевна Нанджана.

И стоит по-прежнему царевич Нассан перед царевной Нанджаной, по-прежнему стоит на коленях и протягивает к ней с немой мольбой свои руки, все облитые кровью злого дива Байраджума.

Посмотрела Нанджана на закопченное лицо царевича, на его серебристое белое платье, залитое кровью, и только сказала, замахав ру-

ками:

– Завтра, царевич, завтра! Ты поедешь вместе со мной на ковре-самолете.

И не свет, не заря в ясном небе загорается, царица Нанджана в дальний путь собирается. Всех будит, торопится, приказывает. Весь двор дворцовый кишмя кишит, и шум, гам, суета. Поднялись, собрались вершники, приспешники, воины, оружейники, слуги, служанки, прислужники, визири, нязири, раджи, князья, правители... Собрались судомойки, поломойки, повара, поварихи. Все бегут, спешат, садятся на ковер-самолет, а ковер разостлали на широком дворе, и почти весь двор занял широкий ковер-самолет.

Выходит наконец царица Нанджана, и с ней рядом идет царевич Нассан. Вышли, сошли с крыльца, уселись, а с ними рядом уселись князья, визири, нязири и вокруг их стража почетная.

– Лети, ковер-самолет, на полдень! – приказывает царица Нанджана. – Лети в те страны, на которые светит свет Зодиака. Там узел и пояс земли. Там разгадка земного. Там я узнаю страшную мировую тайну!..

И мерно, плавно поднялся ковер высоко на

воздух. Закричали, завизжали служанки, прислужницы. Но Стамбул-нязирь погрозил им плеткой-вертихвосткой, и все замолкли. И все смолкло кругом. Тихо, плавно громадный ковер поднимается выше и выше. Вот уже чуть-чуть виднеются стрельчатые башни, и блестят словно звездочки золотые купола дворца. Вот-вот чуть синеют рощи и горы Бирмиджана, а в ясном небе только солнце ярко светит, палит. Раскинули слуги над царевной и царевичем нарядный паланкин, золотыми птицами затканый, золотыми кистями разубранный.

Поднялся ковер, с полминутки остановился и полетел на юг. Засвистел, заиграл ветерок вокруг Нассана и Нанджаны. Веет-повевает, шелковым паланкином шелестит, золотыми кисточками играет.

Долго ли, коротко ли летел ковер и начал спускаться. Снова засерела земля, шире и шире ползет во все стороны. Жаром, пылом дышит от нее. Развернулась необозримая песчаная пустыня. Кое-где мелькают на ней две-три пальмы и кустики над скудным родничком. Идут, тянутся длинные караваны вер-

блюдов. Идут, чуть-чуть движутся. Звякают бубенчики, а над всем караваном, и пальмами, и пустыней, и ковром-самолетом, прямо над головами Нассана и Нанджаны и над головами всех, что сидят с ними, жжет, палит с темно-синего неба жаркое южное солнце.

Смотрят путники на верблюдах, что за тень их покрывает, и не могут понять, что это такое летит над ними. Птица не птица, туча не туча, громадное четырехугольное диво из див. И все дивуются, не могут надивоваться.

А с юга поднимаются, ползут действительно тучи, темно-желтые, грозные тучи. Все небо покрывается каким-то красным тусклым туманом. И ветер летит с юга, сухой, жгучий ветер. Он сушит и томит. И поднимается целый песчаный ураган. Мчится, несется целое море песку, горячего, жгучего, все сжигающего в пепел.

Остановился караван, верблюды режут, ложатся, зарывают морды, и все путники молятся. Пронесется ли беда неминуемая или засыплет их всех горячим песком и все они погибнут, задохнутся под жгучей тяжестью песка.

– Нассан! – вскрикивает Нанджана и хватает

ет Нассана за руку. – Ведь они умрут, погибнут?!

– Умрут, умрут, красавица моя, – говорит мамка. – Я маленькая еще слыхала, как гибнут в песчаных степях люди... Вот гляди, там, в стороне, чуть видно, белеют целые гряды костей...

– Спасем их, Нассан! Ковер, остановись! – Но ковер поднимается выше и выше... И исчез красный, кровавый туман, исчезло и песчаное море.

– Как можно остановиться, красавица моя, – говорит мамка, – других не спасем, себя погубим. Видишь, как рвет и метет горячий песок: всех занесет нас, если хоть на одну минуточку мы остановимся. Никак невозможно!

– Нассан! – говорит Нанджана. – Это ужасная страна. Это ужасная участь!

А ковер летит дальше и снова начинает спускаться. Ближе и ближе к красивому громадному желто-синему озеру. Кругом его горы и скалы и целые роци невиданных деревьев.

Ниже и ниже спускается ковер, подлетает он к маленькой деревушке. Хижинки разбро-

саны между деревьев, точно маленькие булочки. Но отчего же вся деревня в дыму и в пыли, отчего раздается страшный крик и гвалт и снуют в дыму и пыли черные безобразные люди с длинными пиками и кожаными щитами?

Ниже, ниже спускается ковер. Скачут, прыгают безобразные люди, кричат, визжат, поют и бьют громадными костями в огромные турецкие барабаны. И от дикой пляски пыль кружится над ними, а дым летит от громадных пылающих костров. И лежат подле этих костров связанные черные люди, точно черные бараны. И вокруг них и костров пляшут, неистовствуют тоже черные люди...

— Матушка моя! — вскрикивает мамка-кормилица. — Ведь это они будут их жарить!

— Как — жарить! — ужаснулась Нанджана.

— Так! На этих кострах будут жарить... Смотрите-ка! Смотрите-ка!.. Матушки, страсти какие!

И действительно, около одного костра, который совсем почти прогорел и представлял только громадную грудку горящих углей, собралась густая толпа... И один, который был выше других, с головой, украшенной целым громадным пуком страусовых перьев, подошел к связанной кучке людей, выбрал из нее двух мальчиков, поднял их, размахнулся и бросил их на пылающие угли.

И вся толпа заревела, закричала отвратительным криком и воем.

— Нассан! — вскричала Нанджана. — Я не могу... Я не хочу! Освободи сейчас же этих несчастных!..

И она поднялась на ковре во весь рост, выпрямилась, и глаза ее засверкали.

– Как, матушка! Куда освободить, душа моя! – залепетала мамка. – Ведь они всех нас изжарят и съедят.

Но Нассан тотчас же, раньше, чем Нанджана успела сказать ему: «Освободи», – бросился с ковра на землю в самую середину толпы, а за ним посыпались визири, нязири, раджи, правители, оруженосцы, копейщики...

Толпа дикарей ахнула, как один человек, и все, давя друг друга, кинулись бежать во все стороны, бросая и щиты, и копья, и палицы и отчаянно крича:

– Джурра! Джурра!

Они думали, что на них с облаков посыпались драконы и дьяволы.

Освободили, развязали всех пленных, связанных. Но только что успели развязать, как эти пленные схватили брошенные копья и палицы и стремглав полетели за своими врагами-победителями, чтобы отомстить им.

Быстрее ветра неслись они за ними, настигали, нападали, схватывали и вязали, больше женщин и детей, и тащили их к кострам.

Ковер стоял неподвижно. Давно уже влезли и уселись на него и Нассан, и все придвор-

ные, все оруженосцы и копейщики, уселись, смотрят, глядят: что будет?!

Притащили освобожденные своих победителей и прямо с разбега начали кидать их в костры. Крик, визг, плач женщин и детей зазвенели в воздухе.

И опять поднялась во весь рост Нанджана. Глаза ее бросали молнии. Грудь тяжело дышала...

– Лети, ковер! – заговорила она глухо. – Лети прочь, дальше с мрачного юга... Здесь не люди, а звери... Здесь дикая природа... дикое жгучее солнце... горячий ураган песка. Здесь царит бесчеловечье!.. Лети туда, в тихие страны востока, где издавна царит мудрость... и где под тихими греющими лучами восходящего солнца отогревается душа и сердце человека.

И ковер тихо, тихо повернулся и полетел на восток.

Он летел низко над громадными равнинами, и поднимались с равнин целые стада газелей и джейранов, зебр, жирафов и быстрых строфокамилов. А за ними кидались, гнались львы и орлы и всякие дикие хищные

звери. Они бросались на зебр и квагг, на газелей и джейранов. Напрасно несчастные полосатые и рогатые звери старались убежать от них. Львы и львицы бросались на них как молнии, они вонзали в их шеи и груди свои ужасные острые когти. Они раздирали их сердца. Кровь лилась, раздавались рев и стоны, и облако пыли покрывало страшную сцену. Только местами из него подымалась головка маленькой газели. На этой головке сидел орел и выклевывал глаза бедному животному... А там, вдали, чуть видно, около рощ и озер, стояли стада слонов, и, поднимая свои хоботы кверху, все слоны издавали протяжный грустный рев, который долго стоял в воздухе жалобным гулом.

– Где нет человечности в человеке, – сказала Нанджана, – там и звери совершают кровавые пиры... Прочь! Дальше от этой дикой страны!

И ковер летит дальше...

VII

Летит он над высокими горами-великанами, над горами Гюльджарайскими, над горой Айвалагири. Сверкают снега горных хребтов, и только беркуты и орлы встречаются в темно-синем глубоком небе и спешат, летят в стороны от невиданного ими ковра-самолета...

Летит ковер тихо, опускаясь все ниже и ниже. Летит над громадной страной, и во всей стране люди копошатся, суетятся, как муравьи. Вся страна покрыта ими, как живыми цветами громадного ковра. На всех на них пестрые синие кофты и плоские соломенные шляпы. Возятся, суетятся они, словно живые грибы.

Но отчего же все они чем-то перепуганы, все смотрят на восток и бегут, прячутся в темных пещерах и подземельях?

И летит с востока черная туча дыма, и ближе, ближе подлетает к ней ковер-самолет. И наконец остановился. Перед очами путников развернулась страшная картина...

Горят, пылают города и деревни, горят кар-

точные домики, мечутся, прячутся люди, женщины и дети, а страшные воины, одетые тиграми и чудовищами, ловят, рубят их, бросают в огонь и все предают огню и мечу.

Вон бегут маленький мальчик и девочка, бегут, обезумев от страха, а огромный, толстый воин бежит, гонится за ними. Он схватил мальчика за длинную косу, взмахнул широкой саблей, и голова мальчика осталась у него в руке, а тело упало и перебирает ножонками по воздуху, точно хочет еще убежать и спрятаться.

– Матушки! – вскричала мамка сквозь слезы. – Дьяволы! Зачем же махоньких-то деток губят!!! Чем они повинны?!

А Нанджана ничего не говорит, только повелительно протягивает руку вперед, и ковер летит, летит над садами, полями, над городами и селами. Сады горят или трещат и курятся. Все села и города пожжены и разрушены. Лежат на земле повержены высокие фарфоровые пагоды. Всюду, груды развалин и мертвых тел. Удушливый смрад летит от них, по всем полям заразой разносится.

– Дальше! Дальше! – шепчет Нанджана, и

ковер летит, летит прямо к морю синему. А на берегу моря стоит-раскинулся большой город с высокими башнями, с громадной городской площадью... Полна площадь народа в синих кофтах с бритыми головами и длинными косами. Но не слышно шума и говора. Тихо, мертво на громадной площади.

Стоит посреди нее платформа высокая, а на этой платформе много людей копошится и возится, и все они стоят в крови по самую щиколку, стоят, казнят, рубят головы; груды тел на платформе навалено. А пристав тут же стоит, счет ведет головам, и много, много тысяч голов насчитал он, а по площади все еще целая громадная змея тянется; ползет вереница бедных связанных людей, и всходят, всходят они на платформу и кладут на плахи свои головы горемычные, а широкие топоры-мечи тук, тук, тук...

А кругом всей платформы солдаты стоят бравые с рыжими усами и бородами, с белыми лицами, стоят под ружьем, в красные мундиры наряжены, стоят, смотрят, чтобы никто не мешал, казнить, рубить головы, исполнять волю Богдыхана великого...

И снова поднялась, вскочила Нанджана, протянула руку.

– Слушай, ковер, – говорит, – лети туда, где родина этих красных солдат. Я хочу видеть ту страну, где рождаются и живут такие кровопийцы бессердечные.

VIII

Остановился ковер, постоял с полминуты и тихо, лениво полетел над синим морем; а море пенится и бурлит, и резкий встречный ветер дует прямо в лицо путникам.

Летят они над морем, летят над землей, над горами высокими, над степями необозримыми, и громадные стада короткорогих, горбатых, курчавогривых быков мирно и важно разгуливают в этих степях.

Вот один бык влез на высокие холмики, что торчат из земли то там, то сям, словно сахарные головы. И далеко ему видно с высокого холмика; а по всему холмику и вокруг него ползают, копошатся большие крылатые муравьи. Холмики – их затейные муравейники. Глубоко они идут под землей, и там в глубине все настроены подземные палаты, горницы, амбары, питомники.

Хотят путники ближе рассмотреть эти невиданные муравейники, но мимо, мимо летит ковер, не останавливаясь; летит он к другим, людским муравейникам, к городам многолюдным, что кипят, бурлят, суетятся жиз-

нью городской, жизнью неутомонной.

Вот они дымят беспокойным шумом городским. Из длинных труб черный дым клубами вьется, летит; дома в струнки вытянуты, улицы прямые, как стрелы легли. Перекинуты через реки, каналы мосты длинные, резные, чугунные. Дивятся и ахают путники... Но мимо, мимо летит ковер-самолет, летит он через море-океан, в сторону запада, и вот в тумане громадные острова виднеются... Это страна красных мундиров и рыжих усов, страна мореходов всесветных и светлых голов, страна крепкого, черного пива и больших, больших чудаков...

Вот развернулся перед ними город великий. Куда ни глянь, везде трубы и трубы торчат и дымятся, и весь город полон копотью, сажей и дымом. Черные закоптелые дома стоят, как шеренга солдат, железными решетками огорожены, словно тюрьмы глухие. И небо над ними все закоптелое, и сквозь эту копоть чуть-чуть по временам проглядывает тусклое солнце.

Летит ковер прямо в середину громадного города, туда, где через широкую, мутную реку

горбатый мост перекинут стоит. Там крепость не крепость, замок не замок высокими серыми стенами к небу поднимается.

Там движется народ сплошной стеной. И спустился ковер еще ниже и разлегся-развернулся на одной высокой кровле. Сидят путники, глядя вниз, а внизу красные солдаты в шеренгах стоят, и между ними едет нарядный кортеж.

И тихо пополз ковер-самолет, спустился с крыши и перелетел в самую середку всего города. Те же дома высокие, но мелкие переулочки, кривые и грязные, вьются словно змеи осклизлые. И полны переулочки шума и крика. Копошатся в них, кричат, бранятся, дерутся люди, худые и бледные, в грязные лохмотья обернуты-наряжены.

– Дальше, ковер! Дальше! – говорит Нанджана. – Тяжело смотреть на людскую голодную нищету и бедность... Тяжело смотреть на людское бессердечие.

– И! Матушка-красавица! – говорит мамка. – Разве у нас не та же грязь и бедность... Только у нас солнышко сушит и греет, и всюду растет, зеленеет травка нарядная.

– Как! – вскричала Нанджана. – В моем царстве такая же грязь и бедность и стаи голодных нищих около моих садов и дворцов... Неправда! Ложь!

– Посмотри, красавица! Посмотри, мое золото! Без грязи и бедности нигде не бывает. А золото и в грязи блестит!..

Ничего не сказала Нанджана, опустила голову и задумалась.

А ковер быстро летит, все летит прямо на север.

IX

Ярче, светлее становится небо, и резче, свежее холодный ветер, и ничего не видно кругом, кроме неба и моря. Бурлят и шумят валы белогривые, кипят и пенятся, и все катятся, катятся в даль неоглядную.

Ниже и ниже спускается солнце, и тихо ползет оно, чуть-чуть отделяясь от земли. Холодом веет и с неба, и с моря. Кутаются путники кто во что может, жмутся плотнее друг к другу. И вдруг все края ковра взметнулись кверху и прикрыли, укутали всех. И тепло стало всем, защебетали, заговорили, смех и хохот. А ковер летит, летит прямо на север.

И видят путники сквозь маленькие щелки: плывут, точно хрустальные города, громадные льдины. И стада моржей и тюленей промеж этих льдин резвятся, ныряют.

И летит ковер над землей, и нельзя разобрать, земля ли это или лед, все снеговой, сплошной пеленой затянуло.

И видят все путники, идут, шатаются люди не люди, в звериных шкурах, словно дикие звери. Идут друг за другом, через льдины пе-

релезают, везут, тащат длинные сани или лодки. Идет семь человек, но задние двое чуть-чуть ползут, шатаются, и один упал. Остановились все, собрались, потолковали, потолковали и пошли, бросили товарища. Поднялась, вскочила Нанджана.

– Он умрет! – вскричала она. – Погибнет злой смертью. Спасем его, Нассан!

Но Нассан уже распахнул угол ковра и захватил за этот угол, и весь ковер медленно спустился. Закричали, завизжали все визири, нязири, приспешники. Мороз трескучий охватил всех их и тотчас принялся замораживать.

Но не чувствуют холода ни Нассан, ни Нанджана. Оба они уже на земле, подле упавшего человека. А человек хрипит, задыхается и выпускает последнее дыхание. И наклонилась над ним, вся дрожит царевна-красавица.

– Идем, спешим, дорогая, – кричит Нассан ей, – а не то и нас убьет стужа лютая.

А ковер совсем спустился и прилег к земле, и взошла на него Нанджана, а за ней Нассан, и тотчас же все полы ковра поднялись, захлестнулись, и отогрелись все, отошли, оттаяли. Одной Нанджане тепло и среди

лютого холода. Бьется, трепещет в груди ее сердце горячее. На глазах слезки играют, дробятся словно жемчужинки. А ковер поднялся и летит, быстро летит прямо на север.

«Видно, везде, – думает Нанджана, – везде одно и то же. Всюду, во всем мире пирует горе, страдание, и человек, как пылинка, мается, борется и не может побороть ни жара, ни холода, ни страстей бессердечных, звериных».

И видят путники, что солнце совсем уже за землю прячется, и бежит от него по волнам океана огненный столб, и дробится он на волнах, играет, а волны шумят, гудят, и ропщут, и пенятся; и бьются они о горы ледяные, великаны громадные. Гром и треск далеко над бурным морем разносятся.

И целые тучи птиц длиннокрылых снуют, реют в воздухе и заглушают жалобным криком рев моря и рев диких зверей, косматых белых медведей, укшув лихих.

Лежат, спят на льдинах стада сивучей и моржей. И тихо несет их море, качает на льдинах, как в люльке малых детей.

И кричат, летят птицы на юг, громким

криком прощаются с солнцем и со светом дневным.

И тихо, тихо меркнет заря, и надвигается ночь ледяная, молча, угрюмо, мертвенно-холодно.

И тихо движутся черные громады, плывут киты, и с шумом и гулом бьют из них высоко фонтаны, и свет зари, точно в облачках легких, играет в их тонких парах.

Темнее, чернее надвигается угрюмая ночь. Ярко блещут звезды и играют, мерцают в темных волнах. И все мертво или спит, молчит.

И вдруг среди мертвой тиши яркий столб света взлетел к небу, за ним другой, третий, и заиграли сполохи, ходят, качаются столбы огневые, сходятся, расходятся, и все небо горит их ярким, радужным светом. А на далеких снегах и ледяных горах-громадах горит их отблеск ярким заревом полночного небесного пожара.

Остановился ковер. В ужасе замерли путники. Глядят, дивуются на страшное зрелище. И бьются страхом и трепетом сердца их перед дивным величием холодной полуночной ночи.

А ковер тихо-тихо поднимается все выше и выше.

А кругом их мертвая, невозмутимая, холодная тишина.

Х

— Улетим, — говорит Нанджана, — не может выдержать сердце человека величия великого и непостижимого. Улетим в родные края.

И тихо, большим кругом завернулся ковер и полетел снова в землю Бирмиджанскую.

Светлей и теплее становится в воздухе. Отогрелись путники, откинулись полы и коймы ковра. Светло, тихо в воздухе. Чуть видно сереет земля, и заря горит на востоке. Туда, туда, прямо к восходящему солнцу весело несется ковер!

И очнулись от страха, зашевелились, завопили, защебетали, затараторили путники.

— Не замерз ли кто? — говорят. Но никто не замерз, и все довольны и веселы.

Одна Нанджана сидит, опустив головку свою.

«Тайна тайной осталась, — думает она, — не проникнет в нее смертный, не вскрыется она перед ним. Много горя, страдания на всей земле, и блажен тот, кому дано утишить и усладить скорби людские, тяжелые. Еще бла-

женнее тот, кто не знает горя людского, как невинный младенец... Немного мы летали на ковре-самолете, а сколько кровавого горя развернулось перед нами во всех краях земли... На юге, востоке, западе и севере полномочном... А сколько же его в моем царстве?!..»

И дала себе слово Нанджана, как только увидит свое царство, узнать и разведать о всех несчастных.

«Нет, не будет в моем царстве лютого горя... Изведу я его», – думает Нанджана.

А ковер летит, летит, торопится. Теплый, ароматный ветер несется путникам навстречу. Родная земля их ласковым приветом встречает. Вон уже синеются горы, леса и рощи. Вон и Синджур с его высокими башнями выступает из сизого тумана. Летит, летит ковер... «Скорее, скорее!» – стучит сердце в груди Нанджаны.

И спускается ковер-самолет, спускается прямо над золотыми куполами и стрельчатymi башнями дворца Нанджаны. И громкая музыка играет, встречает царицу. И народ весь высыпал, радостно кричит, гудит, на свою царевну-красавицу не насмотрится.

И идут царевна Нанджана и царевич Нассан, идут на высокое крыльцо, в светлые палаты дворца. А в громадном зале уже накрыт стол, заморскими кушаньями, сладкими винами уставленный, и садятся за стол Нанджана и Нассан, а вокруг них садятся визири, нязири, князья, раджи, правители и начальники.

Идет пир честной. Угощает Нассан, дорогую Нанджану потчует. Но не пьет, не ест Нанджана, думку тяжелую думает. Подзывает она мамку-кормилицу, говорит ей, наказывает: «Ты иди, ступай, мамка-кормилица: всю мою столицу выходи и приди, скажи мне, как мой народ живет и много ли в нем бедных людей, голодных, бездольных и немощных».

И идет мамка-кормилица. Она собирает, сзывает всех знакомых, родных, теток, дядей, братьев, сестер, свояков, шуринов, зятьев, свекров, золовок лихих.

– Ой, вы родные мои, вы меня-то послушайте! Одевайтесь скорей вы в лохмотья, в тряпье, лягте, лежите на голой земле, плачьте, стоните о бездолье своем, а наша царица всех вас наградит, наделит и помилует.

И собрались все ее родные и близкие, все сродники, сродственники, свойственники, укутались в лохмотья, в отрепья, полегли на улках, на полях, на голой земле, стонут, лежат, охают.

Идет мамка опять во дворец, низко царевне Нанджане кланяется; поклонившись, говорит ей:

– Иди, матушка, царица ясная. Лежит твой бедный народ на улицах, нет у него ни угла, ни двора, нет приюта-пристанища. В грязи бедный народ валяется.

И пошла царевна с царевичем, а за ними пошли правители, раджи, князья, визири. Идут, спешат, а за ними народ идет. И велела нести царевна за собой три мешка серебра.

Пришли, смотрят, лежат больные, немощные, в отрепье, рубище обернуты; лежат, стонут, охают.

– Помогите, – просят, – бедным, немощным, подайте подаяние, люди сострадательные.

Подошла к первому старику, а этот старик был деверь мамки-кормилицы.

Подошла царевна, стала спрашивать.

Охает, стонет старик и ни единого словечка не вымолвит. И странно только царевне, почему такой толстый, красный старик, от какой такой причины страдает, бедствует.

А мамка-кормилица тоже охает, горюет, рассказывает.

– Ох ты болезный, ты мой свет Абенбарбулла! Ноженьки у тебя скрючило, животик распучило, ручками не владеешь ты!

– Надо, – говорит царевна, – полечить его; докторам, знахарям показать.

И дала она ему полную горсть серебра, сама ему в колени насыпала. Схватил серебро свет Абенбарбулла, схватил обеими руками и совсем забыл, что он не владеет ими.

А народ сзади идет, ухмыляется, но никто не скажет, что Абенбарбулла здоровый, богатый деверь мамки-кормилицы: все, как огня, боятся ее.

Пошла дальше царевна ко всем мамкиным родным, знакомым, сродникам, всех обделила, наделила, утешила.

– Нет, – говорит, – верно, еще есть бедняки в моем стольном городе. А сколько же их во всей земле!

XI

Идет во дворец Нанджана, а царевич Нассан за ней по пятам идет.

– Вот, – говорит, – ты и вернулась, моя ясная звезда, в родимое царство. На ковре-самолете весь мир облетела, оглядела страны заморские... Любо ли тебе теперь, успокоилась ли твоя душенька, утихло ли сердце беспокойное?

– Нассан! Нассан! – говорит царица ему. – Как отрадно нести помощь неимущим и страждущим. Не все ли люди друзья, родные, дети земли. Не ко всем ли из них тянет наше сердце и наша душа?

– Нанджана! – вскричал Нассан и тихо склонился, упал к ее ногам. – Я также твой немощный брат. У меня болит сердце, болит душа... Сжалось надо мной, звезда моя сердобольная!..

– Нассан! Нассан! – вскричала она. – Друг мой, брат мой!.. Дай мне опомниться, успокоиться... Я, кажется, теперь, только теперь начинаю жить и думать... Смотри, уже поздняя ночь на дворе. Иди! спи... завтра, завтра!

– Нанджана! Нет мне покоя... одно слово! Одно только слово доброе и милостивое... и я буду спокоен!

– Завтра! завтра, Нассан. Не дают слова темным вечером.

И она протянула ему ручку свою маленькую, и Нассан покрыл ее поцелуями. С грустным вздохом встал и ушел он к себе, ни разу не обернувшись на звезду его ненаглядную.

Пошла Нанджана в свою опочивальню. Ждут ее там прислужницы, приспешницы. Раздели, уложили... И мамка-кормилица тут же вертится, тараторит, юлит.

Отпустила всех Нанджана. Со всеми простилась. Покойно ее сердце... Бьется так тихо, радостно, доброму делу радуется. И прилегла на подушки, тихо-тихо задремала она.

И вдруг сквозь сон слышит она, зовет ее чей-то голос, не громкий, но твердый, голос повелительный.

– Кто ты? – спрашивает в ужасе Нанджана, и ей кажется, что этот голос должен быть страшного злого дива.

– Не бойся, Нанджана, – говорит голос, – я пери Альбара и я послана известить тебя о

многом. Идем!

И точно сквозь дымку сна чуть видит Нанджана при тусклом свете ночной ароматной лампы какой-то прекрасный, чуть-чуть светящийся призрак стоит перед ней.

Потянулась к нему Нанджана и, сама не знает как, отделилась от постели, а призрак взял ее за руку; вместе с ним они понеслись, полетели в теплом ароматном воздухе южной прекрасной ночи.

Летят они над спящими садами, летят на край города, где стоит большой дом свояка мамки-кормилицы, и в этом доме идет шум и спор, и сама мамка-кормилица тут присутствует. Идет шум и спор, дележ великий. Спорят, делятся все сродники и свойственники мамки-кормилицы, делят то, что надавала им Нанджана, и всех больше спорит Абенбарбулла, кричит, кулаками стучит, руками размахивает; спорит, кричит, что все должны дать ему по две золотых монеты, так как из всей родни он всех старше и ему первому дала царица горсть серебра.

Побледнела Нанджана, задрожала вся. Хочет она сказать мамке-кормилице:

– Так-то ты, дорогая моя, надула, обманула меня. Ты, которой я с детства так во всем слепо, любовно верила и доверяла себя.

Но ничего не могла сказать она. Только сердце в ней все перевернулось, только вся она залилась слезами горючими; а пери Альбара тихо-тихо притянула ее к себе, обняла, и вдруг очутилась опять Нанджана на постели своей. Сидит, обхватила руками колени свои и горько плачет, разливается... То гнев у ней загорится, сердце зажжется, и хочет она лютой казнью казнить мамку и всех ее сродников; то отхлынет гнев и злоба от сердца, и горько ей, горько станет на людскую неправду, ложь и обман.

До бела утра не может она сном забыться, заснуть. Забелел день-деньской, показалась заря. Накинула она кружевной халат, всунула ножки в серебряные туфельки, все бриллиантами усыпанные, умылась в фонтане водицей ключевою и вышла в роскошный сад. А в саду ходит царевич Нассан, утрюмый, задумчивый, и все думает думу тяжкую: чем пленить сердце холодной красавицы, царицы Бирмиджанской земли.

Вышла к нему царица хмурая, грустная; все сердце в ней горем тяжелым сжато, наполнено. В нем слезы стоят, давят грудь белую.

– Нассан, – говорит она, – тяжело мне, горестно... Тяжело видеть страдание людей, но еще тяжелее видеть их ложь и обман, тех людей, которых сердце любило и с детских лет с ними слюбилось, срослось.

И говорит Нанджана, рассказывает, как бесстыдно обманула ее мамка-кормилица.

– Нассан, друг мой, Нассан, исполни просьбу мою заветную, достань мне шапку-невидимку. Я той шапкой прикроюсь, облечу я всю землю мою Бирмиджанскую, увижу, узнаю бедных несчастных людей, которым так сильно хочет помочь душа моя.

– Все достану тебе, ненаглядная, – вымолвил царица Нассан, – для тебя пойду в огонь и в полымя, на дно моря-океана, на край света белого.

И крепко поцеловал ручку царицы Нанджаны царица Нассан, поцеловал, простился, в путь-дорогу отправился. Едет он на своем серебряном коне, а ковер-самолет с собой

везет. Едет он к мудрому дервишу Айракуму, что живет в темных Бирмангамских лесах. Три дня, три ночи ждет от дервиша ответа царевич Нассан. На третий день Айракум очнулся, тронулся, и говорит он Нассану-царевичу:

– Сердце человека ищет великого, но нет великого на бренной земле. Сердце человека ищет правды, истины, но нет на земле правды, истины, и ложь всяк человек носит в сердце своем. Поезжай ты к горам Джюрманским высоким. Там, в расселине скал, на дне темной пропасти, в подземной пещере глухой живет злой див Арабан-Тайджи. Живет он тайно от мира, и хранит он у себя шапку-невидимку, за которой послали тебя. Кто наденет ту шапку, того не увидит мир, и полетит он в этой шапке туда, куда захочет душа и воля его. Сторожит дива злой зверь Алубарс. Убей ты большую зеленую жабу Кайги и намажься кровью ее, чтобы не слышал див запаха крови человеческой от тебя. Возьми ты черную овечку и брось ее зверю на съедение, и зверь пропустит тебя в пещеру к диву Арабану-Тайджи. Увидишь дива, скажи ему, что

ты послан от брата его Байраджума. Покажи ему ковер-самолет и трехгранный меч дива Байраджума и проси у него для брата шапки-невидимки; а в залог оставь ему ковер-самолет. Я сказал! Ступай!

XII

И поехал Нассан к горам Джюрманским высоким, по дороге черную овечку достал, в лесу зеленую жабу Кайги убил, кровью жабы намазался. Приехал к расселине скал. Три дня и три ночи спускался в подземную глубь и достиг он пещеры глухой. У входа пещеры злой зверь Алубарс на цепи сидит. Бросил барсу черную овечку Нассан. Пропустил его барс в темный подземный дворец.

Вошел он в зал; тьма кругом. Ничего в той тьме не слышать, не видеть. Не знает Нассан, где пройти, где ступить. Взял он в правую руку кольцо, засветился тусклым светом камень-алмаз. Осветил подземелье в тридцать мер в вышину. И все подземелье страшными гадами наполнено. Ползают гады без шума, без шороха, друг по дружке без звука скользят. Раскрывают они пасти громадные. Из пасти дым густой, вредоносный идет. Но все гады слепые, не видят Нассана они. Только запах крови Кайги они чувствуют, и все от Нассана ползут, сторонятся. А камень-алмаз прямо светит вперед, и идет в другой зал

Нассан, идет туда, куда светит камень-алмаз.

Вступил в зал Нассан, а тот зал в шестьдесят мер в ширину, в шестьдесят мер в высоту и в шестьдесят мер в длину, и все стены в том зале черепами и костями увешаны, и все те кости тайно убитых людей по всей земле. Звезды, и солнца, и кольца, венки из тех костей понаделаны. Дальше, дальше прямо светит камень-алмаз. Идет в третий зал Нассан, а тот зал в девяносто мер и в длину, и в ширину, и в высоту. И в том зале страшные великаны стоят... Все великаны слепые, незрячие. Слепли они от злобы слепой, когда были людьми. Молча стоят, длинными ногами в землю глубоко вросли.

Прямо светит камень-алмаз. Идет дальше Нассан и прямо в темный лабиринт уперся, и весь лабиринт маленькими драконами наполнен, кишит. Ползают они по стенам, копошатся на полу, летают под потолком. Все раскрыли пасти, грозят Нассану острыми, как стрела, языками. Этими языками втихомолку они лучших друзей своих жалили, когда жили людьми на земле. И все драконы от крови Кайги сторонятся и прячутся, от блеска кам-

ня-алмаза к сторонке жмутся, летят. Идет Нассан, кружится по темным коридорчикам, идет час, идет два, идет три, устал Нассан, голова закружилась, а по-прежнему все коридоры злыми драконами полны, переполнены.

Раскрылся, наконец, громадный зал, ему же нет меры ни в длину, ни в ширину, ни в высоту, и в том ли зале трон широкий стоит, и на том троне злой див Арабан-Тайджи растянулся и спит, и храпит. И от того ли храпа могучего все стены дворца трещат и дрожат. Осветил зал камнем-алмазом Нассан и видит: стоят вокруг трона дива чудовища, великаны безобразные, стоят карлы свирепые, сепии страшные, шипят, длинными руками, как змеями, во все стороны ворочают.

Проснулся, открыл глазища див. «Что за свет такой? – кричит. – Как в мой дворец мог и смел свет войти?» Поклонился диву Нассан. «От брата твоего Байраджума, – говорит, – я посланным пришел. Велел он просить у тебя шапку-невидимку, а вот тебе в залог прислал ковер-самолет. И вот его меч трехгранный, боевой».

И велел принести див Арабан-Тайджи

шапку-невидимку. Побежали, полетели, поползли посланцы, гонцы, гады и чудища. Они спускались на самое дно земли, доставали шапку-невидимку и притащили ее злому диву Арабану-Тайджи. Отдал злой див шапку-невидимку, отдал, наказал:

– Неси ее бережно и брату представь.

Надел шапку Нассан, надел, не успел подумать он, как бы выйти на свет, как сильный вихрь его подхватил и понес, и в один миг из дворца в темное ущелье принес. Оглянулся, снял шапку-невидимку Нассан. Хватить-пohватить, свою шапку он у злого дива перед тронном сронил. Догадался див по шапке, по духу человечьему, что обманул его царевич Нассан. Послал он погоню за ним. Поползли, побежали гады и драконы за ним, окружили Нассана, хотели схватить, но отмахнулся Нассан трехгранным мечом. Что махнет раз – переулок за ним, махнет другой – целая улица. Но наседають драконы и гады. И схватил Нассан обеими руками меч-кладенец, схватил шапку-невидимку, на себя надел и вдруг скрылся из глаз. Ищут, ищут гады-драконы, не могут найти. Полетели назад, царю-диву

докладывают. «Нет сил, – говорят, – совладеть с ним; что махнет раз мечом – переулок ко- сой, махнет два – целая улица».

Распалился див, послал своих чудищ в по- гоню за ним. А Нассан снял шапку-невидим- ку, умаялся. Увидали его чудища, увидали, на- бросились, хотят поглотить, пожрать жи- вьем. Отмахнулся Нассан трехгранным ме- чом – полетело сто голов, махнул два раза – полетела тысяча. Осталось всего 10 чудищ ма- леньких; испугались, полетели назад. «Так и так, – говорят, – нет сил одолеть его».

И поднялся сам див, зашумел, полетел. От его ли силы великой все недра земли вско- лыхнулись, содрогнулись. Летит он, гремит черной тучею. Налетел на Нассана, хочет по- жрать, поглотить. Но надел Нассан шапку волшебную и исчез, скрылся из глаз. Набро- сился див на то место, где был Нассан и сосле- пу налетел на трехгранный меч. Пронзил меч сердце дива черного. Задрожала бездна-рас- щелина; камни и скалы полетели, посыпа- лись. Затопило их все кровью черной.

Летит Нассан, поднимается, летит на верх бездны, страшной, крутой; а на краю бездны

сереброгривый конь его ждет, с нетерпенья
ржет-поржет громким голосом, землю бьет
копытом звонким.

Прилетел Нассан, шапку снял, сел на коня,
и поскакал, полетел он к царевне Нанджан,
шапку-невидимку к груди прижимаючи.

XIII

А царевна Нанджана ждет не дождется друга милого. «Зачем я послала его доставать, добывать шапку волшебную? Погибнет друг милый в битве с злыми дивами». И смотрит она, дни и ночи не отходит от окна, не едет ли назад ее суженый.

Сердце ноет, болит, дни идут, ползут... Нет Нассана-царевича. Загрустила, затосковала, похудела Нанджана. Не ест, не пьет, думу думает: «Жив ли мой суженый, милый царевич Нассан?» Весь народ узнал, услышал о горе царицы своей; все толпятся на улицах, на площадях, все ждут не дождутся царевича.

Идет дело к вечеру. Солнце садится румяное. Плачет-грустит в своем дворце царевна Нанджана, одна-одинешенька. «Не видать мне больше, – думает она, – моего света белого!!»

И вдруг предстал, появился свет Нассан, стоит прямо перед ней и шапку-невидимку в руках держит, к ней протягивает, а сам радостно улыбается.

Вскрикнула царевна, обрадовалась; рада

она царевичу, рада и тому, что он шапку достал.

Созывает она прислужниц, приспешниц своих, созывает визирей, нязирей, раджей, правителей.

– Визири, нязири, правители верные, созывайте вы, – говорит, – великий пир. Хочу я друга моего чествовать.

И созвали пир великий-честной.

И идет пир великий. Все радуются и все шапку-невидимку пробуют. Кто наденет на себя, тот и исчезнет, пропадет, как будто его и не было.

И на другой день ни свет ни заря исчезла их царица-красавица, сгинула, пропала Нанджана любимая. Целый день прошел. Нет Нанджаны, не слышно, не видно нигде.

Проходит другой день. Весь народ беспокоится, куда делась его царица любимая. А Нассан ходит черной тучи темней. «Зачем, – думает, – я достал эту шапку волшебную? Как и где найти мне друга милого, свет Нанджану, царевну ненаглядную?»

Седлает он коня сереброгривого, и скачет он по всему царству. Везде ищет, зовет; зовет

он свою царевну прекрасную, зовет по горам, по долам, по лесам, по дубравам темным. Нет нигде, не видать, не слышать Бирмиджанской царицы-красы.

Проходит третий день. Весь народ от страха волнуется. Сгубла, пропала царица, пропала Нанджана-краса. Плач и стон идут по всему дворцу, плач и стон стоят над всей Бирмиджанской землей. Всюду тоска и горе великое носятся.

Собрались визири, нязири, раджи, правители, собрались в думу ночную совет держать, что сделать, что предпринять. Осиротело царство, нет трону наследника.

А к крыльцу подъехал царевич Нассан, идет в палаты высокие, низко клонит голову: тяжкое горе придавило его.

И думают визири, нязири, раджи, правители: «Изберем мы Нассана в цари себе, изберем мы храброго, всех див побеждающего. Изберем мы в цари себе. Пусть над нами владычит и царствует».

Пришел к царевне в опочивальню Нассан. Настежь двери в опочивальню отворены. Полна опочивальня служанок, прислужниц,

приспешниц. Все они рыдают, голосят, а с ними и мамка-кормилица плачет, ревет, волосы рвет, убивается.

Стоном стон в опочивальне стоит. Плач и горе великое. Вошел Нассан: все прислужницы и мамки ему поклонились. Смотрит он прямо туда, где кровать царицы стоит, и видит он над кроватью как будто образ царицы летает в тумане ночном и вдруг прямо из мрака выступил. Упала, покатилась шапка-невидимка волшебная. Стоит среди опочивальни Нанджана-краса бледнее смерти бледная.

Все ахнули, ободрились все, обрадовались, в радости сердечной к ней кинулись, но всех одним мановеньем руки отстранила она.

– Подите вон все, подите! – тихо приказала она и крепко ухватила Нассана за руку холодной, ледяной ручкой своей.

Все удалились служанки, прислужницы. Остались одни Нанджана-краса и царевич Нассан.

XIV

Бледнее смерти царица Нанджана стоит, стоит, качается, очи закрыла, зубы стиснула.

Хотела говорить, не могла. Слезы в три ручья брызнули.

– О! Нассан! Нассан! – через силу прошептала она. – Много горя по всей земле, много горя в царстве моем, но еще больше лжи, обманов и всякой гадости...

И упала Нанджана в руки Нассана и горько заплакала.

– О! Зачем я желала шапки-невидимки злой. Не знала я ничего, не ведала. Все мне раскрыла та шапка несчастная. Верила я моим раджам, правителям, визирям, нязирям. Знаю я теперь, все они плуты, обманщики, моего народа злые обидчики. Верила я народу моему, в простоте я сердечной ему верила... Злой народ, корыстник и выгожник... Все глупо и гадко на всей земле. Ах! Зачем надевала я шапку несчастную? Никакого бы зла я не ведала.

И начала свой Нанджана рассказ. И текла

ее речь, как журчит ручеек свои жалобы горькие.

Говорит Нанджана: «Видела я, как седой старик торгует своей совестью, своих дочерей в чужое царство богатым купцам продает. Видела я, как сыновья богатые бедного отца из дома выгнали, и умер несчастный на улице: умер с голода, холода. Видела я, как брат брата в темной яме на цепи держал и по целым дням ему есть не давал. Видела я, как мачеха падчерице глаза выколола. Видела я, как судьи праведные торгуют своей совестью, берут, дерут со всякого, большого и малого. Но больше всего насмотрелась я на бедность горькую, голодную, убогую. При мне, у меня на глазах, трое деток с голоду померли, а мать больная совсем обезумела. Ах! Нассан! Нассан!.. Если бы ты мог видеть это горе жестокое, то все сердце у тебя повернулось, вся душа твоя настрадалась, выболела... Созвала, собрала я сколько могла, собрала всех голодных со всей земли. Завтра придут, приползут они, бедные... Завтра будет у меня всем им добрая трапеза... Ах, Нассан! Три ночи я не спала ни чуточки... Исстрадалось мое сердце

бедное».

– Ляг же, усни, моя желанная, – говорит Нассан, – успокойся, моя ненаглядная... Ведь ты моя невеста сужена.

– Да, – тихо промолвила Нанджана и тихонько оттолкнула Нассана, повалилась на кровать шелковую, на перину пуховую. А Нассан целовал, миловал ее ручки-крошечки... И пошел он к себе в тихой радости.

А ушел он, Нанджана подумала: «Нет! Все мужчины не могут страдать, сострадать и глубоко, глубоко, всем сердцем любить несчастных убогих людей».

На этих мыслях она потянулась. Потянувшись, зевнула и тихо промолвила: «Завтра, завтра будет мне праздник, великий день».

Ни свет, ни заря занимается, чуть брезжут в окошках огоньки запоздалые. Все спит, поживает в громадном дворце, и ползут, бредут к нему люди убогие со всех сторон. Идут они с юга и с полночи, с востока и с запада. Весь двор дворцовый запрудили, наполнили, и нет им предела, конца: идут, ползут бедняки со всего царства Бирмиджанского.

Проснулась, встрепелась царевна,

всплеснула ручками. Сказ-приказ отдает скорехонько. Собирает она кухарей, поваров со всего города, велит стряпать им обед-трапезу. Раскрылись все кладовые дворцовые. Берут, тащат всяких припасов, запасов, стучат, рубят коренья, приправы, лепят тесто, валяют, пекут. Идет жарня, варня, дым коромыслом летит, чад, угар по низу стелется.

Все кухари, повара приготовили. Накрыли прислужники скатерти браные, весь двор дворцовый столами, скамьями уставили и видят, что мало места на дворцовом дворе. Понесли доски, скамьи на площади. Уставили все площади, и все мало места для бедняков, людей убогих.

Уселись бедные люди, пьют, едят, славят царевну Нанджану. А со всех сторон света все идут, ползут бедные, голодные, просят места. Идут с юга, с полночи, с востока и с запада, и нет им места в общей трапезе.

– Выносите все, – говорит царевна, – все, что для нас приготовили. Мы все сыты; накормим неимущих, голодных.

Вынесли повара, кухари царские кушанья, скормили их все, не насытили. Идут, ползут с

юга и с севера, идут, бредут с востока и с запада. И нет конца народу голодному.

Поклонились низко царевне визири, нязири, поклонились раджи, князья и правители.

– Позволь сказать слово, царица премудрая. Истощишь ты казну свою царскую. Вся казна пойдет в бездну бездонную. Не накормишь ты люда голодного. Он, как песок морской, идет, плывет, со всех стран света стекается.

Выслушала царевна, задумалась, в покрывало, фату, златом тканную, завернулась, закуталась. Пошла скорей поступью во дворец, в палаты высокие, поманила она жениха-царевича. Поспешил, побежал за нею царевич Нассан.

XV

— Слушай, царевич, – говорит Нанджана, – слушай, мой суженый. Болит, скорбит мое сердце несчастное, тоскует оно. Всем бедным, голодным помочь ему хочется. Сослужи мне еще службу верную, службу верную, службу последнюю. Ты достал мне ковер, достал шапку волшебную; добудь мне теперь скатерть-самобранку, кормилицу. Разверну я ее в столице моей, и накормит она весь мой бедный народ. На, возьми ты шапку постылую. Не хочу я ее, мне не надобно.

– С радостью все я исполню для тебя, моя ненаглядная, – говорит царевич Нассан.

И пошел он, велел оседлать коня сереброгривого. Сел на коня Нассан, захватил шапку-невидимку, захватил меч трехгранный дива Байраджума. Ночь на землю спускается, стелется, а царевич Нассан едет, спешит в леса Бирмиджанские, к Айракуму, дервишу премудрому. Три дня, три ночи дервиша он просил и в землю дервишу седому кланялся: «Научи, укажи, как достать скатерть-самобранку, скатерть волшебную?»

Тронулся просьбой дервиш Айракум; возговорил громким голосом:

«Сердце человека ищет великого, но нет великого на бренной земле. Сердце человека ищет блага, добра, но добро и зло борются, и нет блага чистого и великого на бренной земле. Поезжай ты в дебри Санджурские, на берег моря Индусского. Но прежде достань ты рыбу Бальджар и кровью той рыбы вымажь себя, чтобы не слышать было от тебя духа человека. Достань ты змей-угрей и тогда бросайся смело в море-океан. Там на дне его живет страшный сердитый див Гараджи-Бакар. Иди во дворец его и скажи, что ты послан от брата его Арабан-Тайджи. И оставь ему в залог шапку-невидимку, шапку волшебную. А когда подойдешь ко дворцу, то увидишь: сторожат тот дворец два дельфина злобных; ты бросишь им змей-угрей, и пропустят они тебя в хрустальный дворец. Я сказал. Ступай!»

Поехал Нассан на берег моря Индусского. Добыл он рыбу Бальджар, кровью рыбьей намазался; добыл он змей-угрей. Приехал на берег моря, а море спокойное, тихое, чуть колыхается, и садится в него солнце сонное, спать

ложится, опускается, все покраснело от студенной воды.

– Прощай, – говорит Нассан, – конь сереброгривый мой. Не знаю, вернусь ли я к моей Нанджане, деве-красе, к моей Нанджане дорогой, ненасмотренной.

А конь заржал, замотал головой, ржет-поржет громким голосом.

И разбежался, размахнулся царевич Нассан, в тихое широкое море бросился и прямо на дно океана отправился. Кипит, шипит океан чудами морскими, гадами страшными, прямо на дно его царевич спускается, катится. Видит он чудо морское, громадный дворец; весь дворец и горит, и блестит жемчугом, хрусталем и камнями дорогими, самоцветными. И видит Нассан сквозь хрустальные стены дворца, как идет в нем веселый пир. Пьют, едят, потешаются все гады морские зеленые.

Хочет войти он в широкие двери дворца, а у дверей два страшных дельфина прикованы, прыгают, злятся на серебряных цепях, пастями зубатыми хамкают. Бросил им Нассан змей-угрей. Начали есть их дельфины, а Нассан вошел во дворец.

И идет он, идет по залам его, и нет конца залам хрустальным. Навалено в залах жемчугов, серебра и золота целые груды лежат. Все, что свалилось с земли в море-океан, все, что все реки в океан принесли, все в тех залах собрано.

Идет царевич Нассан, идет на пир дива Гараджи-Бакара, а пир, как буря морская, ревет, гудит. Пируют гады и чуды морские, сидят, пьют, едят, обжираются. На широком и длинном столе скатерть-самобранка разостлана, всякими кушаньями и винами уставлена. Но не едят этих кушаний морские чудища. Носят им морские звери-прислужники, тюлени, моржи, сивучи клыкастые, носят им тела утопленников разрублены; лежат они на блюдах-раковинах перламутровых.

В середине пира сам див сидит, див Гайраджи-Бакар, огромными глазищами ворочает, по громадному пузу похлопывает, на всех глазищами поглядывает, точно хочет он вымолвить: «Все сожру, все поглощу, как мое море-океан ненасытное».

Ест-уплетает он пирожки из младенцев-утопленников, пальцами с крючками

глазки у них выколупывает, сосет их, глотает, выхлюпывает; трещат, хрустят на зубах у него нежные косточки.

– Сядь! Садись! – кричит он Нассану. – Будешь гость дорогой. Сядь, поешь человеческого мяса прокислого, прокислого, проквашенного, маринованного. Сядь, поешь пирожков с младенчиками.

Но не сел за пир Нассан, а говорит он Гайраджи-Бакару:

– Послан я от брата твоего Арабана-Тайджи. Просит брат твой дать ему скатерть-самобранку твою, а тебе взамен посылает шапку волшебную.

И подал шапку-невидимку Нассан, подал злому диву Гайраджи. Посмотрел, понюхал ту шапку див и отдал скатерть-самобранку царевичу.

В одну минуточку исчезли все вина и кушанья. С шумом скатерть та свернулась, в трубочку сложилась, взял Нассан скатерть под мышку, пошел вон. А было в той скатерти 300000 и три локтя без одного вершка.

Вышел из дворца царевич Нассан, прямо на верх моря отправился. Но не успел он и

трех верст проплыть, как летит-шумит за ним погоня могучая.

Узнал див по запаху, что была шапка в руках человеческих, узнал, что обманули его, и вскочил, погнался за Нассаном со всеми чудами, дивами, гадами и чудищами.

Шумит-бурлит море бурное; злая буря громом катится. Плывут-летят в волнах могучих все гады морские, чудища, вослед за Нассаном гонятся.

Шумит-бурлит море бурное, злая буря громом катится. Настигают Нассана морские гады, чудища, раскрыли пасти зубастые.

Шумит-бурлит море бурное; злая буря громом катится. Хватают за полы кафтана царевича чуды, гады морские, зубастые. Но отмахнулся трехгранным мечом царевич Нассан. Махнул раз – рассек переулочек, махнул два – рассек целу улицу, махнул три... и отстали, отцепились гады проклятые.

А в пучинах морских гудит, гремит, точно из пушечек бухают. То катится за Нассаном сам злой див Гайраджи-Бакар. Налетел, настиг, сцапал его лапицей костистой, вот-вот проглотит пастью зубастой, пастью бездон-

ной. Но размахнулся Нассан трехгранным мечом, и прямо меч в пузо Гайраджи-Бакару угодил. Все чрево расступилось, разверзлось, и поплыли из чрева суда, корабли и лодочки, поплыли матросики-утопленники, а сам див полетел камнем вниз, на самое дно океана хлопнулся и пропал, исчез. Волны морские размыли его.

Расплескалось море, наверх Нассана вынесло, на бережок пологий отбросило, и в глубину волны морские отхлынули.

А на берегу сереброгривый конь прогуливается, ржет-поржет, в землю копытом постукивает. Увидал Нассана, заржал, к нему побежал. Вскочил на коня Нассан, весь мокрый-мокрешенек. И поскакал-полетел конь в царство Бирмиджанское.

XVI

А в царстве Бирмиджанском, в великом стольном городе, ждет не дождется царевна Нанджана своего жениха дорогого, суженого. Крепко верит она, что привезет он ей скатерть-самобранку волшебную. И созвала-собрала она бедных со всей земли.

Три дня и три ночи сходились все голодные, убогие, запрудили всю столицу Бирмиджанской земли, посели на площадях, рынках, на улицах и малых переулочках, ждут-пождут, когда их кормить будут, глядят-поглядят в дальнюю сторону, туда, куда уехал, пропал царевич Нассан.

На третий день взошло солнце ясное; а по дороге-то пыль летит, скачет-спешит серебристый конь, скачет-спешит свет царевич Нассан. Все голодные встрепенулись; встрепенувшись, поднялись, загуторили. Все кричат славу царевичу, и от криков радостных гул стоит над всей столицей Бирмиджанской земли.

Подъехал-подскакал царевич ко дворцу, а на крыльце дворца Нанджана царевна стоит,

смотрит, привез ли царевич скатерть-самобранку волшебную.

И стоят вокруг нее визири, нязири, князья, раджи, правители, и стоит на дворе народ, стоят, гудят люди бедные.

Наклонился Нассан к ногам Нанджаны-красы, положил у ног скатерть-самобранку волшебную.

– Вот, – говорит, – тебе, краса, мой свадебный подарок кладу.

Берет Нанджана за руку царевича, берет, говорит визирям, нязирям, раджам, правителям:

– Вот вам жених мой, суженый. Расстилайте скорей, слуги верные, расстилайте скатерть-самобранку волшебную.

И бросились слуги-приспешники исполнять приказ царевны Нанджаны-красы. Расстилали они скатерть великую, расстилали по двору царскому, по площадям, рынкам большим, по всем улицам, улочкам. Посели за скатерть все голодные, и еще много места осталось свободного. Села и царевна Нанджана с царевичем, сели на царском дворце золотого крыльца.

И как сели за скатерть, уселись, покрылась вся скатерть, уставилась; появились на ней кушанья, похлебки, кулебяки, пироги, жареные бараны, свиньи, быки. Появились питье и яства сладкие, вина хмельные, заморские.

Пьют, едят гости голодные, славят царицу Нанджану с царевичем.

Пьют, едят не час, не два, и все им есть и пить хочется. Пьют, едят, через силу пьют, опиваются, объедаются, стонут и охают, на землю, как мухи, валяются.

Вскочила Нанджана, а за ней Нассан, а за ним все визири, нязири, раджи, князья и правители.

Смотрят, бегут, что такое с гостями их приключилось. Тот опился, тот объелся, тот на земле в предсмертных муках корчится.

– Убирайте! – кричит Нанджана. – Слуги верные, убирайте скорее скатерть-самобранку волшебную.

Бросились слуги, стали скатерть прибирать, свертывать, а им не дают, мешают гости пьяные. Все, как звери дикие, напились, нажрались, набузукались. Кричат, дерутся, валяются, рвут на куски скатерть-самобранку

волшебную: всю изорвали, изорвали, раскидали по ветру лоскутья, куски. И не стало скатерти-самобранки волшебной.

Ужаснулась, побледнела Нанджана, пошатнулась; пошатнувшись, зарыдала, заплакала.

Взял, обнял ее царевич Нассан, увел в покои дворца.

– Нассан, – говорит она, – Нассан, дорогой мой суженый, жаль человека и зверя голодного, но хуже зверя дикого человек пьяный, обожравшийся. Ах, Нассан! Как же и чем помочь люду бедному? В злой нужде человек изнывает и мается, а дашь ему золото, напоишь, накормишь его, и станет он хуже зверя жадного... И все ему мало, все ему мало кажется...

XVII

Ис того самого дня царевна Нанджана затуманилась. Придавила ее дума горькая. Не ест, не пьет, ту думу тяжелую крепко думает.

Пристает к ней Нассан, говорит-уговаривает:

– Ты встряхнись, встрепенись, звезда ль моя ясная. Очнись, прогони ты думу тяжелую. Каждому благо и счастье на долю дано. Надо уметь беречь его, им довольну быть.

Но говорит ему Нанджана-краса:

– Много горя на земном мире, царевич Нассан, много кровавого, лютого, смертного горя на нем. На что же то горе, на какой конец? Нет, нет на земле блага и счастья, нет и довольства им. Все горе, ложь и обман. Всякая доля цветет, расцветает цветочком алым, и отцветает тот цвет, как цветок полевой. Каждая радость горит светлым ярким огнем и, как звезда падучая, гаснет, глохнет и падает. Где же то слово великое, в котором страшная тайна скрыта лежит? Где же радость без горя ясным светом горит?

И думает-думает Нанджана думу крепкую,

думу тяжелую, и незаметно в тихий сон вся погружается. Закрывает очи ясные, руки к груди приложены. Лежит пластом в шелковой постели, как мертвая.

Горюет Нассан, сокрушается, горюет народ, а с ним все визири, нязири, раджи, правители.

Спит царевна день, спит два, спит неделю целую. И думают все, уснула царица навеки, последним мертвым сном.

Плач и стон в столице великой Бирмиджанской земли, плач и стон по стогнам разносится, плач и стон стоит в воздухе.

Стонет, плачет народ, тяжело горюет царевич Нассан. Сидит у постели Нанджаны-красы, а кругом их стоят раджи и визири, нязири, князья и правители, а кругом их стража почетная полукругом, опершись на копья, угрюмо стоит.

Проходит неделя, прошел еще один день, и на девятый вечер проснулась, потянулась Нанджана-краса. Бросился к ней царевич Нассан, бросились раджи, князья, правители, но, не открывая очей, поднялась Нанджана над постелью шелковой, поднялась сама на

воздух. И в изумлении остановились все.

Тихо и внятно всем она ясно промолвила:

*Страданье ведет состраданье,
Состраданье ведет любовь,
Любовь ведет единение...*

И, проговорив всем эти слова, она снова тихо опустилась на постель шелковую, и душа ее отлетела в выси небесные, в вечную жизнь.

XVIII

Бегут недели и месяцы. Лежит Нанджана, не двинется, не шелохнется, словно из слоновой кости выточенная. Сидит у ее постели Нассан, бледный, худой, как тень блуждающая. Ездил он к разным дервишам, факирам, узнавал он, чем поднять, пробудить, воскресить свет Нанджану-красу, радость, невесту его ненаглядную. Ничего не сказали ему дервиши, факиры и маги-волшебники. Только все они в один голос промолвили: «Такова воля Браммы великого».

Собрались визири, нязири, князья, раджи, правители, собрались, объявили народу тяжкую весть: умерла царица Нанджана прекрасная, скончалась царица Бирмиджанской земли. А народ давно уже ждал эту тяжелую весть, давно уже царевну свою он оплакивал.

И вот собрался-поднялся народ, все собрались хоронить их царицу Нанджану прекрасную.

Воздвигли великий костер среди великой столицы Бирмиджанской земли. Каждый бедный принес на тот костер свою лучинку и ще-

почку. Оделись все в траур, в одежду белую. Затрубили трубы печальные, поют, трубят они песню грустную, песню прощальную: «Не стало, не стало царицы Нанджаны-красы! Плачьте, бедные, плачьте, убогие, плачьте, жены и девы Бирмиджанской земли! Плачьте, дети и старцы древние!»

И плачут, идут, несут тело царицы, тело Нанджаны-красы, а за телом идет царевич Нассан. Идет он, идет и шатается, от горя великого не может смотреть. Клонит к земле его горе тяжелое, горе гнетущее. Идут визири, нязири, князья, раджи, правители. Идет, плачет и весь народ, печально играют-трубят трубы громкие.

Пришли, проиграли трубы в последний раз. Поднимают тело на великий костер, тело Нанджаны, царевны-красы. Плачет и стонет Бирмиджанский народ.

Подошли брамины-священники, зажгли, запалили великий костер. Разгорелось пламя кипучее, запылал огонь лютым полымем. Поднялся огонь к небу светлому. Тут очнулся от тяжкого горя Нассан. Подошел к костру разожженному. Вынул он свой трехгранный

меч и пронзил им грудь белую, пронзил сердце несчастное.

Алым ключом кровь из сердца кипучего брызнула, полилась она на лютый огонь; зашипел, затрещал огонь, охватил он тело Нассана-царевича, и поднялся он к небу великому. И поднялись вместе с ним души Нассана и Нанджаны-красы, Нанджаны, царевны Бирмиджанской земли.